

Правильна постановка автором вопроса о социальной топографии города. Интересен показ типов массового жилища рядовых херсонцев в XII—XIV вв. Но, тем не менее, основная часть книги, посвященная изучению археологических источников, несмотря на значительный труд автора, не представляет собой той монографии, которая обещана заглавием книги, не отвечающим, как сказано выше, ее содержанию. Наряду с этим выступают и другие серьезные недостатки, перечисленные выше. Особенно надо подчеркнуть грубое упущение автора при исследовании вопроса о культурных связях Херсона, выразившееся в антинаучном игнорировании культурных взаимоотношений Херсона и Поднепровья.

Историческая (т. е. построенная на материале письменных источников) часть труда А. Л. Якобсона страдает серьезнейшими недостатками. В работе над этим материалом автор не проявил необходимого умения. Соображения, высказываемые им в той части его книги, где он опирается на эти, более далекие от археологии источники, либо упрощены и обеднены, либо, наоборот, отягчены недопустимыми домыслами. Автор при этом не обладает техникой исследования исторического текста. Поэтому едва ли было правильно предпосылать „археологическим“ главам книги обширную и не проработанную по-настоящему „историческую“ главу и создавать тем самым ложное впечатление как о письменных источниках, так и о самой истории средневековой Таврики.

Е. Ч. Скржинская

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ

Издательство Академии Наук СССР. Ответственный редактор академик
Е. А. Косминский. Редакторы Б. Т. Горянов и Ф. М. Россейкин.
Москва, 1951, стр. 319.

Выход в свет рецензируемого „Сборника“ имеет важное значение для преподавания в вузах истории Византии. Наша учебная литература располагает довольно значительным количеством источников по истории западноевропейского феодального общества, переведенных на русский язык и либо изданных отдельно, либо собранных в хрестоматиях. Что же касается истории Византии, то по этому весьма крупному разделу средневековой истории до появления настоящего „Сборника“ мы не имели пособия, которое могло бы быть поставлено в один ряд с существующими хрестоматиями по истории западного средневековья. Между тем, советская медиевистика совершенно правильно стремится покончить с однобоким „западническим“ направлением в изучении истории феодального общества; в связи с этим все большее внимание уделяется, в частности, проблемам византийского феодализма. Исследования кардинальных вопросов истории византийского феодализма ставится на принадлежащее им по праву место в разработке общей истории средневековья. Поэтому следует признать, что издание „Сборника документов по социально-экономической истории Византии“ отвечает назревшей, настоятельной потребности советской исторической науки.

Правда, около половины „Сборника“ составляют переводы византийских источников, опубликованные ранее, но это отнюдь не снижает его ценности. Дело в том, что, во-первых, переводы эти, в свое время

помещенные в различных, большей частью старых, журналах и сочинениях (Ф. И. Успенского, В. Н. Бенешевича, П. В. Безобразова и др.), далеко не всегда и не во всех книгохранилищах можно иметь под рукой, и, во-вторых, большое количество документов и материалов — и притом весьма ценных — впервые даны в рецензируемом издании в русском переводе.

„Сборник“ состоит из: 1) общего предисловия; 2) четырех основных разделов, в которых размещены документы (в соответствии с четырьмя основными периодами византийской истории, выделяемыми авторами), причем каждой из этих групп источников предпослана вводная статья составителя данного раздела; 3) „Приложений“, в которых даны карты, библиография по социально-экономической истории Византии, толковый словарь греческих терминов, встречающихся в „Сборнике“.

Работа выполнена членом-корреспондентом АН СССР Н. В. Пигулевской, проф. М. В. Левченко, научными сотрудниками ИИ АН СССР Б. Т. Горяновым и Е. Э. Липшиц, Ф. М. Россейкиным, канд. ист. наук А. П. Кажданом и др.

Одним из крупных достоинств „Сборника“ является то, что в нем впервые поставлен один из важнейших вопросов византиноведения, — вопрос периодизации византийской истории. В „Сборнике“, совершенно правильно, по нашему мнению, различаются четыре периода в тысячелетней истории Византии: разлагающейся рабовладельческой империи (IV—VI вв.), становления феодального общества (VII—IX вв.), торжества феодального строя (X—XII вв.) и разлагающегося феодализма (XIII—XV вв.). Вместе с тем, в надлежащей степени подчеркнуты и специфические особенности феодальной формации в Византии, такие, например, как сохранение рабства после краха рабовладельческой системы, т. е. после VII в., отсутствие элементов капиталистического способа производства на заключительном этапе византийской истории и т. д. Данная авторами периодизация базируется на марксистско-ленинском понимании исторического процесса: за основу деления истории Византии на определенные этапы принимаются изменения, происходившие в социально-экономическом строе византийского общества.

I

Переходя к более детальному рассмотрению вводных статей „Сборника“, позволим себе выразить некоторые сомнения относительно отдельных положений, с которыми мы здесь встречаемся.

Во вводной статье первого раздела, содержащей социально-экономическую характеристику ранней Византии и написанной Н. В. Пигулевской, между прочим, дан анализ социального состава непосредственных производителей в сельском хозяйстве: мы видим здесь рабов, посаженных на землю, и колонов, находившихся в различной степени зависимости от крупного землевладельца, крестьян-общинников и мелких земельных собственников. Указав на эти категории непосредственных производителей, Н. В. Пигулевская пишет далее: „Следует отметить и другое явление, наличие в V и VI вв. крепостных, сидящих на монастырской, церковной или епископской земле — париков. Этот термин хорошо известен в более поздних документах и монастырских актах; для этого раннего времени он встречается в сирийских хрониках, как сирийский эквивалент термина *ṭāroḥo* — *tautbe* (от корня *iteb* — „сидеть“). В число париков вербовались наиболее бедные представи-

тели непосредственных производителей и жили на монастырской земле в положении крепостных“ (стр. 10). Невольно возникает вопрос: что хочет сказать автор этим „дополнением“? — Если только то, что зависимые, прикрепленные к земле колонны сидели и на монастырских, и на церковных землях, — это положение правильно и бесспорно, — то стоило ли выражать эту мысль столь мудреным способом? Если же автор хотел сказать нечто большее, если он считает, что в ранней Византии имелась еще одна группа зависимого крестьянства, факт существования которой не получил отражения в кодексе Юстиниана, то следовало развернуть это положение, обосновать его. Но именно этого автор и не делает: ведь филологическое сближение сирийского слова, означающего „сидеть“, с хорошо известным термином византийского феодального права более позднего времени не является доказательством, по крайней мере, — достаточным доказательством того, что, помимо перечисленных автором, существовала еще особая категория „крепостных“, сидящих на церковно-монастырских землях. Да и сам автор, подводя итоги данному им анализу социального состава непосредственных производителей (на стр. 13), уже „забывает“ об этой группе: он не говорит о ней более, а в документах не дает текста, подтверждающего его гипотезу.

В таком виде положение Н. В. Пигулевской способно вызвать вполне обоснованные сомнения читателя; не включенное самим автором в его общие выводы по вопросу об аграрных отношениях в Византии IV—VI вв. и не подкрепленное соответствующими документами, оно повисает в воздухе.

Относительно вводной статьи второго раздела „Сборника“ (она трактует проблемы славянской колонизации и развития византийского феодализма в VII—IX вв. и принадлежит перу Е. Э. Липшиц) надо заметить прежде всего, что в этой статье было бы вовсе не лишним четкое отмежевание — на основании гениального учения И. В. Сталина о языке — от марристских заблуждений в области затрагиваемых автором вопросов. Известно, что имеющая более чем столетнюю давность концепция иллирийско-фракийского происхождения южного славянства получила в свое время „подкрепление“ в пресловутой теории „взрывов“ Н. Я. Марра и не так давно была в новой марристской одежде преподнесена советскому читателю академиком Н. С. Державиным. Поэтому отмежевание от этой концепции в данном случае явилось бы вполне уместным.

Вызывает сомнение положение автора о том, что императоры-иконоборцы в своей внутренней политике „предприняли ряд реформ в направлении, подсказанном требованиями народных масс“ (стр. 68, разрядка наша. — Н. С.). В качестве доказательства этого тезиса Е. Э. Липшиц указывает на иконоборческое движение, поднятое Исаврами, на Эклогу, в которой „провозглашалась необходимость борьбы с поборами судейских чиновников“ (стр. 68), и „Земледельческий закон“, — законодательные памятники, связываемые с именами Льва III и Константина V. Однако против выдвигаемого автором объяснения реформ Исавров, которые якобы были „подсказаны“ народными массами, говорит ряд соображений: восстание Фомы Славянина — движение несомненно народное и массовое — шло не под иконоборческим, а скорее под иконодульским знаменем; что касается поборов судейских чиновников, осужденных „Эклогой“, то они не поощрялись ведь и кодексом Юстиниана; наконец, неубедительна ссылка автора и на „Земледельческий закон“: издание этого законодательного памятника, признававшего крестьянскую общину, фиксировавшего

земельные отношения, сложившиеся на территории империи после широкого расселения в ее пределах славян, было продиктовано определенными государственными соображениями — не только тем, что византийское централизованное государство не могло оставить без юридического оформления очень важной стороны фактически сложившихся отношений, но также и тем, что крестьянская община и мелкое крестьянское землевладение отвечали основным государственным потребностям.

Гораздо убедительнее звучит другое положение Е. Э. Липшиц: „Законодательство и мероприятия их (императоров-иконоборцев. — Н. С.) имели ярко выраженный классовый характер, защищая интересы крупного светского землевладения“ (там же). Совершенно очевидно, что этот правильный тезис не согласуется с ранее высказанной автором мыслью о том, что реформы исаврийских императоров были „подсказаны требованиями народных масс“.

В связи со списком фем, помещенным на стр. 69 и 70, возникает вопрос: почему в составе фем нет Критского дуката? Здесь приводится перечень фем, сложившихся к началу IX в., а Крит был захвачен арабами только в 825 и 826 гг.

Введение к документу третьего раздела „Сборника“, содержащим материалы для характеристики византийского феодализма X—XII вв., написано проф. М. В. Левченко. В своем содержательном очерке, данном на основании источников, М. В. Левченко по-новому ставит вопрос о происхождении аграрного законодательства императоров Македонской династии, а именно — он выдвигает оригинальную мысль о том, что корни этого законодательства следует искать не только в противоречиях, существовавших между отдельными группами феодалов, но также в классовой борьбе между династами и убогими: „Новелла 934 г. и следующие за ней новеллы были не чем иным, как уступкой, которую низшие классы вырвали у феодалов в результате острой классовой борьбы, использовав противоречия между отдельными прослойками господствующих классов“ (стр. 127).

При всей бесспорности этого положения, следовало бы все-таки тут же заметить, что значение указанного фактора не было одинаковым при издании каждой новеллы в отдельности. Для Никифора Фоки и Василия II, например, большое значение имели мотивы иного рода. У Василия II было гораздо более оснований бояться не народных востанов, а именно династских мятежей. Впрочем, М. В. Левченко в других местах своего введения и сам показал это с надлежащей убедительностью и ясностью (стр. 132, 133).

Автором введения последнего раздела „Сборника“ („Поздневизантийский феодализм“) является Б. Т. Горянов. В этом введении вызывает решительные возражения следующий тезис: „Латинские завоеватели не лишали византийских феодалов-архонтов их земель. Источником распределения новых феодальных держаний были, главным образом, нерозданные императорские, государственные земли“ (стр. 230). Это заключение сделано Б. Т. Горяновым на основании Морейской хроники, которая действительно представляет дело именно таким образом. Но автору следовало бы принять во внимание, что Морейская хроника — это источник, данные которого имеют сравнительно узкое — в территориальном отношении — значение: она изображает в основном порядки, существовавшие в Пелопоннесе.

Засвидетельствованное Морейской хроникой отношение завоевателей к местным архонтам диктовалось слабостью феодальных банд Шамплита и Виллардуэна и сильным сопротивлением местного населения.

На большей части остальных территорий империи, захваченных крестоносцами, последние держались иной политики. Это отчасти видно из тех документов, которые приведены в данном разделе „Сборника“ самим Б. Т. Горяновым. Мы имеем в виду сообщение Никиты Хонната: „Ромеи, которые бежали вместе с императором (большинство из них было знатного рода, опытные в военном деле, происходившие из городов Фракии), хотели присоединиться к маркизу (Бонифацию Монферратскому, возглавлявшему Фессалоникское королевство, вассальное по отношению к Латинской империи. — *Б. Г.*) и оказать ему возможную помощь. Он же отказал им, говоря, что не нуждается в войнах-ромеях. После этого они с той же просьбой обращаются к императору Балдуину. Снова получив отказ, они обращаются к Иоанну“ (царю болгар. — *Н. С.*) (стр. 253). Видным участником раздела Византийской империи была, как известно, Венецианская республика, эксплуатировавшая доставшуюся ей часть империи также феодальными методами. Республика всюду стремилась решительным образом поддержать представителей собственной венецианской знати; к услугам местной аристократии венецианцы прибегали только по особым соображениям. Достаточно указать для примера на систему мероприятий, которые были проведены ими на Крите, Корфу и в других местах.

Начиная с 1211 г., республика св. Марка несколько раз направляла на Крит представителей знатных венецианских фамилий — рыцарей и „рядовых“ венецианцев — пехотинцев; на них возлагались оборона и управление островом, им предоставлялось право эксплуатации местных земель и местного крепостного населения.¹ В 1207 г. дож Пьетро Цини инафеодировал остров Корфу, город и крепость на нем Пьетро Микьеле и девять другим венецианским нобилем.² Подобный же порядок установился во Фракии и Малой Азии, в Галлиполи и Лампсаке.³

Правда, на Крите некоторые лены были переданы местным феодалам-архонтам, но это было лишь вознаграждение за предательство по отношению к собственным соотечественникам. Дука острова Анджело Градениго предоставил в ленное владение земли Константину и Эпано Сиврито и „тем, что с ними“, но с условием, что эти вассалы помогут захватить неуловимых для венецианцев братьев Мануила и Константина Драконтипуло и изгнать с острова эмиссаров Никейского императора Иоанна Ватаца.⁴ Некий Алексей Каллергий получил даже звание венецианского нобилем, но он был обязан этим особым обстоятельствам: дело в том, что Алексей Каллергий почти двадцать лет держал в страхе венецианских феодалов на Крите, и возведение его в звание нобилем было ценой, которой венецианцы купили у него отказ от продолжения борьбы.⁵

Венецианцы требовали от своих вассалов на острове, чтобы они не принимали к себе на службу греков даже в качестве рядовых воинов.⁶ И это была не только правительственная политика, но и требование самих феодалов. От 1302 г. сохранился документ, представляющий собою наказ феодалов Крита своему посланцу в Венецию — Энрико

¹ *Andreae Danduli Chronicon. Rerum Italicarum Scriptores (Muratori, SS), v. XII, col. 337.*

² *Fontes rerum austriacarum. Diplomata et Acta (FRA DA), v. XIII, p. 57, 58.*

³ Там же, стр. 209; *Andreae Danduli Chronicon, col. 334.*

⁴ *FRA DA, v. XIII, p. 323, 325.*

⁵ *Laurentius de Monacis. Chronicon de rebus Venetorum, ed. F. Cornero, Venezia, 1758, p. 158 ss.*

⁶ *FRA DA, v. XIII, p. 244.*

Градениго, который должен был изложить дожу их нужды и пожелания; среди этих пожеланий мы находим также и следующее: „Скажите там, чтобы греки не могли быть владельцами феодалов и быть членами Совета феодалов“ (Совет феодалов существовал на Крите в качестве Большого Совета при дуке острова. — *Н. С.*).¹

Можно было бы привести и другие данные, идущие в разрез с приведенным выше утверждением Б. Т. Горянова. Кроме того, общеизвестно, что одной из причин слабости Латинской империи было как раз отсутствие спайки между пришлыми захватчиками и местными феодалами-эксплуататорами, насильственно лишенными своего прежнего положения; крестоносным грабителям, которые шли на Восток с целью захвата там для себя ленов и крепостных, не нужны были „воины ромей“.

II

Документальные материалы, представленные в „Сборнике“, весьма разнообразны и в целом дают отчетливое представление об основных вопросах социально-экономической истории Византии. Бесплезно говорить о том, что в „Сборнике“ надлежало поместить еще те или другие документы, — область таких пожеланий практически безгранична. Постановка этого вопроса имеет смысл только в том случае, если бы в „Сборнике“ были помещены такие документы, без которых легко можно было бы обойтись, и, наоборот, — пропущены более или менее важные документы и материалы.

Однако в этом отношении к составителям „Сборника“ нельзя предъявить сколько-нибудь значительных претензий. Позволим себе все же указать на некоторые места „Сборника“, относительно которых такого рода пожелание, как нам думается, было бы уместным.

На стр. 242 помещено известие Никиты Хониата, в котором он говорит о географической неосведомленности „крестоносных болванов“, проявленной ими при дележе империи. Само по себе приведенное место Никиты Хониата очень красочно, но этот отрывок не имело смысла помещать в „Сборнике“, так как данное известие Никиты Хониата не соответствует действительности. Достаточно заглянуть в акт о разделе империи, чтобы убедиться в том, что здесь не назван ни один из тех городов, ни одна из тех областей, которые фигурируют у Никиты. Это и понятно: если „крестоносные болваны“ действительно знали плохо то, что собирались делить, то этого отнюдь нельзя сказать о венецианцах, которые составляли ровно половину комиссии по разделу (12 человек). Вместо этого известия византийского историка следовало бы лучше поместить известия западных источников, характеризующие отношение крестоносцев к местному населению (мы имеем здесь в виду известия Сикарда Кременского, Фландрской хроники, Виллардуэна).² Это явилось бы практической реализацией справедливого утверждения Б. Т. Горянова о необходимости разоблачать буржуазных историков, идеализирующих латинское завоевание и пытающихся создать „миф о благополучном положении масс при Латинской империи“ (стр. 231).

¹ *Diplomatarium Veneto-Levantinum, sive Acta et Diplomata res venetas, graecas atque Levantis illustrantia, Venetiis, 1880, p. 4.*

² *Sicardi episcopi Chronicon. Muratori, SS, v. VII, col. 620; G. Villehardouin. La conquête de Constantinople, chap. LXVII, ed. A. Pauphilet. „Historiens et chroniqueurs du moyen age“, Paris, 1938, p. 141; Chronique de Flandre, cap. 9.*

В том же четвертом разделе, думается, не совсем удачно выбраны документы для характеристики исключительного положения, каким пользовались в Византии иноземные купцы: здесь помещены грамоты Андроника Палеолога — испанским купцам и правителя Пелопоннеса — Фомы Палеолога — купцам дубровницким (стр. 269). Было бы, однако, лучше привести договоры византийских правительств с генуэзцами и венецианцами, например Нимфейский трактат и договор с венецианцами от 1268 г. или одно из его последующих воспроизведений.¹ Отметим, что гораздо более правильный в этом отношении принцип подбора документов выдержан в третьем разделе „Сборника“: составитель его, М. В. Левченко поместил здесь не договорные грамоты с пизанцами или генуэзцами, роль которых в Византии в XII в. не была еще особенно значительной, а грамоту императора Мануила венецианцам (стр. 214).

В четвертом разделе было бы полезно также поместить некоторые выдержки из трактата Бальдуччи Пеголотти, характеризующие торговые операции Константинополя и некоторых других греческих городов в XIV в.²

Перевод избранных составителями „Сборника“ текстов сделан тщательно, в общем хорошим языком, и не вызывает серьезных возражений по существу. Можно указать лишь на отдельные мелкие промахи или недостаточно точную работу редакторов, допустивших различную передачу одних и тех же слов и терминов в разных отрывках. Вот несколько примеров.

В документе № 19 (перевод Ф. И. Успенского) второго раздела „Сборника“ налоговый термин *jugum* передан как „ярмо“, а в документе № 20 этот же термин в переводе Н. В. Пигулевской оставлен в его греческой форме „югон“ (стр. 26—27). Подобным же образом греческий термин для обозначения главы венецианского правительства *δοῦξ* передается на русский язык то как „дука“ (стр. 215), то как „дукс“ (там же), то, наконец, как „дож“ (стр. 240), хотя именно последняя форма — „дож“ — является общепринятой в русской исторической литературе. Б. Т. Горянов в документе № 18 четвертого раздела „Сборника“ греческое *τῶν κεφαλῶτικῶν* переводит словом „чиновники“; тот же термин в документе № 20 передан более точно — „сборщики поголовной подати“ (стр. 260, 261). Греческое *πράκτορες* Б. Т. Горянов то оставляет без перевода („практоры“), то передает этот термин как „сборщики податей“ (стр. 263, 264).

Переводы, заимствованные из старой книги М. М. Стасюлевича („История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых“), хотя и подверглись некоторым поправкам, но отредактированы они недостаточно тщательно. Это в особенности касается „Иерусалимских Ассиз“.

Так, в переводе главы второй этого памятника французское *la Court de la BORGESIE* передано по-русски как „Палата граждан“ (стр. 243). Сомнительно, чтобы это было правильно: французскому *borgesie* соответствует итальянское *borghesi* или латинское *burgenses*, но отнюдь не *cives*, — следовательно, лучше было бы назвать это отделение курии Иерусалимского короля „Курией для горожан“ или „Палатой для горожан“. Равным образом лучше было передать по-русски французское *la Haute Court* не как Верхняя, а как „Высокая Палата“ (стр. 243).

¹ FRA DA, v. XIV, p. 64, 65, 84 ss.

² Balducci Pegolotti. La practice della mercatura, ed. A. Evance, Cambridge, 1936, p. 38, 39, 40 ss.

В главе пятой того же текста неясно передано французское *qui ont court... et justice*: „люди, заседающие в палате и суде“ (стр. 245). В какой палате, в каком суде? Текст следовало передать: „бароны, имеющие свою курию и свой суд“. Очень неуклюже звучит перевод М. М. Стасюлевича в такой фразе из Виллардуэна: „Наши получили по крайней мере 400 тыс. марок серебра и более 10 тысяч всякого рода сбруй“ (стр. 240, разрядка наша. — Н. С.).

Плодом крайней небрежности редакторов следует признать и отдельные явные ляпсусы, встречающиеся в „Сборнике“.

В разделе первом „Сборника“ документ № 14 в переводе В. С. Шандровской датирован 296 г., тогда как в тексте документа датой его назван второй год правления императора Домициана, правившего, как известно, не в III, а в I в. (стр. 24).

Совершенно непонятно, почему документ № 23 в разделе четвертом назван документом о „продаже земли родичам“, когда в нем идет речь о продаже частным лицом своего земельного участка монастырю Лемвиотиссы (стр. 265).

III

Приведенные в „Сборнике“ тексты снабжены комментарием частью в подстрочных примечаниях к документам, частью в виде отдельного толкового словаря („Указатель терминов“). По поводу этого комментария следует также сделать несколько замечаний.

В комментарии, данном к термину „актимон“ (стр. 178), говорится: „Актимоны значит неимущие, и, повидимому, они не даром так назывались. У них не было скота и, по всей вероятности, земли“. Но тут же, буквально несколькими строками ниже, говорится о том, что актимоны имели ослов, что актимоны „платят пастбищного за крупный скот по одному милиарисию со штуки, а за овец каждый актимон платит, согласно пропорции, по I номисме со 100, например за 50 овец полномисмы“. Этот комментарий заимствован из работы П. В. Безобразова „Патмосская писцовая книга“¹ и воспроизведен в „Сборнике“ без необходимых оговорок и исправлений.

В „Указателе терминов“, составленном доцентом А. П. Кажданом, некоторые толкования вызывают достаточно обоснованные, как нам кажется, сомнения. Кроме того, в отдельных случаях объяснения тех или иных терминов в „Указателе“ не согласованы с объяснениями тех же терминов, даваемыми в других разделах „Сборника“. Так, в „Указателе“ читаем: „Дулопарики — категория зависимого крестьянства, приближающаяся к парикам“ (стр. 305). Может быть, было бы правильнее сказать иначе: дулопарики — категория париков, приближающаяся к рабам. Так, по крайней мере, понимает этот термин Б. Т. Горянов в своей вводной статье к четвертому разделу документов (стр. 234). Во всяком случае подобное несоответствие не может не смущать внимательного читателя „Сборника“.

В объяснении термина „марка“ (стр. 308) имеется в виду кельнская марка, составлявшая в весовом выражении около 234 г серебра. Мы хорошо знаем стоимость ее в византийских перперах, или солидах для конца XII и начала XIII в. Гунтер Перисский в своей „Константинопольской истории“ говорит: „Перпер это золотая монета, равная по стоимости одной четверти марки“.² Термин марка в документах „Сбор-

¹ „Византийский Временник“, т. VII, 1900.

² Guntherus Parisiensis. *Historia Constantinopolitana*, ed. P. Riant. „*Exuviae sacrae Constantinopolitanae*“, Genevae, 1877, p. 78.

ника“ встречается в описании Константинополя, данном Одоном де Диогило, историком второго крестового похода, — именно в том месте его сочинения, где он говорит о стоимости рубашек в Константинополе. Французский хронист пишет: „Мы покупали рубашку менее чем за 2 денария, а 30 рубашек — за 3 солида без 1 марки“ (стр. 238). Если принять во внимание, что солид и перпер равны между собою (так это отмечено и в „Указателе“), то получится, что 30 рубашек в Константинополе стоили 3 солида без... четырех солидов... Ясно, что в тексте — в самом оригинале или в переводе — имеется какая-то путаница. Таким образом, в данном случае самое объяснение термина дано правильно, но — в отрыве от того текста, который комментируется.

Составителя „Указателя“ можно упрекнуть еще и в том, что он дал толкование не всем терминам, которые встречаются в приведенных документах. Без всякого объяснения оставлены, например, такие слова, как примикирий, практор, протокентарх, простагм, проастий и некоторые другие (стр. 164, 191, 192, 198, 220, 255 и др.).

IV

Весьма важной составной частью „Сборника“ является „Библиография по социально-экономической истории Византии“, которая составлена научными сотрудниками Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР. Несмотря на то, что этот отдел „Сборника“ скромно назван „Кратким справочником“, библиография почти с исчерпывающей полнотой дает представление об основных изданиях источников по истории Византии, а также и о важнейшей русской буржуазной и советской литературе по этому предмету. Для начинающего изучать историю Византии этот „Краткий справочник“ явится незаменимым пособием.

При всем том следовало бы все-таки несколько пополнить отдельные разделы „Библиографии“, предложенной в „Сборнике“.

Это прежде всего относится к разделу „Классики марксизма-ленинизма“, в котором, как это ни странно, отсутствуют гениальные работы И. В. Сталина о языкознании, имеющие исключительное значение, в частности, для разрешения важных этнических проблем Балканского полуострова.

В список важнейших изданий источников также следовало бы внести некоторые дополнения. Поскольку в списке иностранных изданий источников указаны три тома „Документов по древней истории торговли и государства Венеции“ Г. Л. Тафеля и Г. М. Томаса, охватывающих время до 1299 г., постольку было бы вполне логичным указать также и на продолжение этого издания уже только одним Г. Л. Томасом в известном итальянском собрании источников „*Monumenti editi dalla Deputazione Veneta*“, где даны документы с 1300 г. В Дипломатарии, который мы имеем в виду,¹ содержится большое количество источников, характеризующих именно социально-экономические отношения в поздней Византии.

„Константинопольская история“ Гунтера Перисского в списке источников приведена в издании 1725 г. Было бы лучше указать всю серию мелких повествований, относящихся к истории четвертого крестового похода, изданную П. Рианом.²

Мы уже отмечали, что было бы полезно поместить в разделе документов некоторые тексты из трактата Балдуччи Пеголотти; это

¹ Венецианско-левантийский Дипломатарий назван выше, стр. 274, прим. 1.

² См. выше, стр. 276, прим. 2.

сочинение также должно было бы быть указано и в перечне источников для истории хозяйственной жизни Византии в XIV в.

В списке исследовательских трудов по истории Византии составители стремились дать лишь наиболее важные работы русских ученых, однако не всегда выбор составителей „Краткого справочника“ достаточно продуман. Укажем, в частности, что в списке фигурирует работа Б. А. Панченко „Латинский Константинополь и папа Иннокентий III“, но отсутствует такое сочинение, как работа Т. Флоринского „Южные славяне и Византия в XIV в.“ (СПб., 1882); указана спорная по своему содержанию работа Ф. И. Успенского „Уклон консервативной Византии в сторону западных влияний“, но не названа его диссертация, посвященная истории возникновения второго Болгарского царства и имеющая большое значение для характеристики социально-экономических отношений в Византии на стыке XII и XIII вв., равно как и рецензия на нее В. Г. Васильевского.¹

Следует подчеркнуть, что составители „Библиографии“ правильно взяли курс на более или менее подробное указание работ русских историков и ограничились только самыми основными из сочинений иностранных ученых.

Несколько слов по поводу географических карт, помещенных в „Приложениях“. Прежде всего следует выразить сожаление по поводу того факта, что составители не поместили ни одной карты для истории Византии XII и XIII вв.

Карты, помещенные в „Сборнике“, выполнены с большою тщательностью. Они в основном правильно изображают те географические ситуации, которые составители имели в виду представить.

Вызывает сомнение, однако, карта Византии в IX и X вв. Не подлежит сомнению, что при императорах Македонской династии Сербия во всяком случае находилась в вассальной зависимости от Византии: спор ведь идет только о том, какая это была зависимость — реальная или номинальная. Следовало бы поэтому дополнить карту указанием на территории, находившиеся в вассальной зависимости от Византии.

Карта Константинополя VI—XIV вв. была бы еще более полезной, если бы она воспроизводила не только обычное деление на основные районы и указывала основные памятники архитектуры и искусства, но давала бы названия важнейших улиц, хотя бы той же Месы, и некоторых кварталов, которые так часто по разным поводам упоминаются в источниках, — в частности, тех, что приведены в самом „Сборнике“ (например, кварталы вдоль Золотого Рога). Карту можно было бы дать в этом случае в несколько большем масштабе.

На этом рассмотрение отдельных частей „Сборника“ можно закончить.

„Сборник“ издан не плохо во всех своих разделах, но в академическом издании хотелось бы видеть меньше погрешностей в написании отдельных греческих слов, — мы имеем в виду главным образом произвольную замену ударений знаками придыхания.

В заключение еще раз считаем своим долгом заметить, что „Сборник“ крайне необходим историческим факультетам и историческим отделениям историко-филологических факультетов наших вузов.

Было бы очень хорошо, если бы примеру византиноведов последовала также и группа историков-славистов АН СССР, так как при изучении средневековой истории славянских народов преподаватели

¹ ЖМНП, 1879, ч. 204.

и студенты встречаются с не меньшими, если не с большими трудностями в отношении источников, чем при изучении истории Византии.

Н. П. Соколов

НОВЫЕ РАБОТЫ СОВЕТСКИХ ВИЗАНТИНИСТОВ

М. В. ЛЕВЧЕНКО. СИНЕЗИЙ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ И ЕГО РЕЧЬ „О ЦАРСТВЕ“

Ученые записки ЛГУ № 130, вып. 18. Ленинград, 1951, стр. 222—249.

Проф. М. В. Левченко в своей небольшой, но исключительно ценной статье дал марксистскую характеристику личности и взглядов видного политического деятеля начала V в. — Синезия Киренского, одного из тех крупных политиков рабовладельческого общества, которых выдвигали города Востока накануне краха античного мира. На конкретном материале автор статьи убедительно опровергает нелепый тезис эволюционистской буржуазной историографии о том, что переход от античности к средневековью не носил якобы революционного характера, что имело место будто бы лишь постепенное перерождение античного общества и т. п. В работе М. В. Левченко Синезий представлен как убежденный рабовладелец, рьяно защищавший устои рабовладельческого общества. Синезий ясно сознавал опасность совместного революционного выступления рабов и „варварских“ дружин и призывал напрячь все силы гибнущего общества, чтобы сохранить прежний порядок. Свои политические взгляды Синезий высказал в речи „О царстве“.

Статья М. В. Левченко не свободна от недостатков. К их числу следует отнести то, что в ней не совсем четко охарактеризовано социальное лицо Синезия. М. В. Левченко считает Синезия представителем родовой (стр. 224) (может быть — родовитой?) знати. Но этим нельзя определить социальную принадлежность Синезия. Аристократия в период краха рабовладельческого строя не была монолитной. Существовала феодализирующаяся земельная аристократия, мало заинтересованная в судьбах города, — аристократия, представители которой, подобно Кассиодору и Сидонию Аполлинарию, легко уживались с „варварами“ и которая могла слиться с „варварской“ знатью в процессе феодализации. Синезий не принадлежал к этой категории восточноримской знати. Более того: он чувствовал непримиримую вражду к аристократам такого рода (к ним относился Кесарий). Синезий относился к той части землевладельческой знати, которая была в то же время и городской знатью, связанной с традициями полиса. Она видела в Римской империи не власть чужеземных завоевателей, а считала ее союзом городов. М. В. Левченко вряд ли прав, полагая, что взгляды Синезия на государство коренным образом отличались от ранее господствовавших среди греков представлений о Римской империи (стр. 241). Достаточно сравнить политические взгляды Синезия на Римскую империю с воззрениями ратора Элия Аристида.

Думается также, что для более полного уяснения вопроса о социальной природе взглядов Синезия, как выразителя политических настроений определенной группы городской знати, следовало бы, кроме того, сопоставить мировоззрение ратора Птолемаидского со взглядами Либания, его старшего современника, все сочинения которого носят ярко выраженный политический характер. Синезий, подобно Либанию,